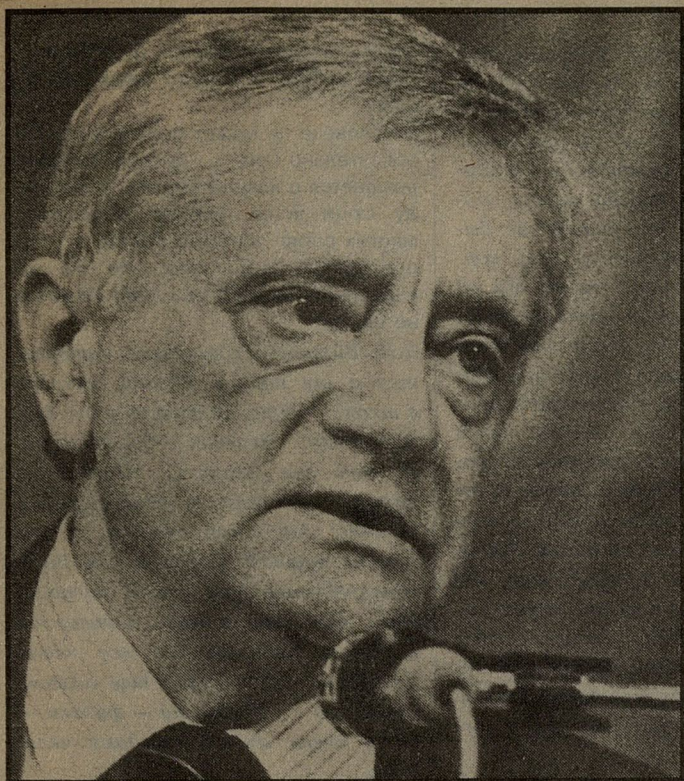

Владимир Максимов:

«ЧУЖИМ Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ВЕЗДЕ»

— Владимир Емельянович, на одной из встреч здесь, в Москве, вы сказали: бросьте искать виновного, в том, что произошло и происходит, виновны все. Как же так? Отцы ели кислый виноград, а детям досталась оскоми́на. Мне 25 лет. В год моего рождения утвердился Брежнев и состоялся суд над «тунеядцем» Бродским. Так в чем же моя вина?

— Я сошлюсь на Владимира Маразмину, прекрасного прозаика, живущего в Париже. Мы беседовали на эту тему, и он поведал об одном подобном же разговоре со старым петербургским интеллигентом. Владимир ему говорил: я не соучаствую, не член Союза писателей, подрабатываю на киностудии, в театре, стараюсь быть в стороне. Тот слушал, а потом сказал: «Володя, вы за хлебом ходите? Ну и все». Понимаете, если вы учились, работали, вообще в этой структуре функционировали, объективно вы соучаствовали. Мало того. Я считаю, вообще чувство вины очень благотворно для молодого человека. Заставляет думать о своей роли. Да, гласность, демократизация. Но пока под обилием слов нет ни экономических, ни политических, ни культурных реалий. Я понимаю, вы стараетесь что-то делать. Но, значит, недостаточно. Раз результатов до сих пор нет.

— Разнится ли вина нашего и вина вашего поколения?

— Степень вины — да, разная. У нас гораздо больше. Я и призываю людей моего поколения признать это. Не ради сведения счетов. А просто, чтобы люди поняли: они были соучастниками преступления. И перестали бы валить на чужого дядю. Для меня эта тема — главная в жизни. Я до сих пор доискиваюсь, как же я-то во всем этом... И думаю, только тут путь для обновления — и личного, и общественного.

— Замечено, наша гласность похожа на тачанку: едет вперед, стреляет назад. Вы согласны?

— Ну действительно, откроешь любой советский журнал, и такое впечатление, что все только и делали, что страдали от Сталина, сидели, были гонимы. Но ведь есть же и вечное. Ну разоблачим Сталина, демистифицируем Ленина, что уже делается. Однако и это не задача литературы. Помоему, сейчас настоящая хорошая книга о природе важнее любых разоблачительных выступлений. «Я помню чудное мгновенье...» содержит гораздо больше социального протеста, чем весь Николай Некрасов. Само искусство противодействует дисгармонии любой, в том числе и политической. Разумеется, есть Искандер, Битов, Окуджава и еще десяток прекрасных имен, но я сейчас говорю о тенденции, которая наметилась именно в годы перестройки. Сталин или чернуха в кино — тут часто нет спонтанности, а есть продуманное спекулятивное отношение к искусству. Новая конъюнктура, и все. Надо возвращаться к исконным ценностям. Писать о сытости и голоде, о любви и ненависти, о зависти, о жизни и смерти. Не знаю, помнит ли ваше поколение — если нет, возьмите почтайте — книги Юрия Казакова. Сегодня они волнуют, как и 30 лет назад. Я сейчас присматриваюсь к новой литературе, которая еще не успела утвердиться, к литературе молодых людей. Может, они вернут эстетический момент.

— Разве молодые не тащат чернуху и не пинают с энтузиазмом труп Сталина?

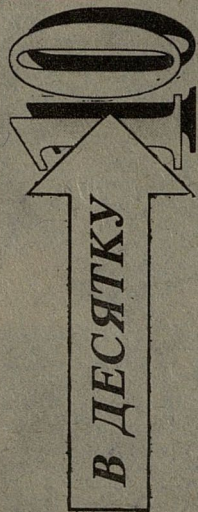
— Это те, кто получил доступ к изда-

**Отъезд
Максимова
на Запад
почти совпал
с высылкой
Солженицына.
В 1961 году в СССР
вышел альманах**

**«Тарусские
страницы»
с повестью
Владимира
Максимова**

**«Мы обживаем
землю». Через
два года его
приняли в Союз
писателей, а еще
через десять лет
исключили
за опубликованную
на Западе книгу
«Семь дней
творенья» —
роман о старом
большевике,
который
на склоне жизни
переосмыслил
свою судьбу.
С 1974 года
Максимов начал
издавать
журнал**

**«Континент».
Вскоре за свою
общественную
и издательскую
деятельность
писатель был
официально
лишен советского
гражданства.
В 1990 году
Максимов
впервые после
17-летнего
отсутствия
приехал
в Советский Союз.
На две недели
по приглашению
журнала
«Юность».**

тельствам, журналам, киностудиям. Тем, кто работает на конъюнктуру, всегда легче пробиться. Есть и другие люди, которых интересует литература как таковая. Им-то мы и будем в меру наших скромных возможностей давать трибуну.

— Кому, например?

— Первый, кто приходит в голову, — прозаик Евгений Звягин из Ленинграда. Или поэты, которые недавно пробились на страницы советской печати, но впервые опубликовались у нас, — Гандлевский, Сопровский, Кенжеев. Этим просто не интересуют спекулятивная проблематика.

— Вам, конечно, здесь предлагали рукописи для журнала. Отбрали вы что-нибудь? И есть ли открытия?

— Больших нет. Но дельные вещи есть.

— В ваших ранних произведениях часто присутствует тема тюрьмы, колонии. Это связано с вашей судьбой?

— Несомненно. Я рано остался без родителей, был беспризорником, бродягой, был в шести колониях, из которых часто и неудачно бежал, из последней даже дважды. Но с 18 лет, когда я вышел из Шекснинской детской колонии, началась другая судьба. Окончил ФЗО по специальности штукатура и каменщика, вербовался на Север, работал в клубе речников в Игарке, в колхозе на Кубани. Напечатал в районной газете первые стихи, весьма патристические, поступил в редакцию. В 56-м вернулся в Москву. Переводил поэзию с языков народов СССР по подстрочникам, сочинял дежурные стихи для газет и сотрудничал в редакциях как журналист. Судьбу свою — серьезную, литературную — отсчитываю с «Тарусских страниц», с первой публикации моей прозы.

— Что написано в эмиграции?

— Вторая книга автобиографической повести «Чаша ярости», роман «Ковчег для незваных». И роман о Колчаке «Заглянуть в бездну». Отрывки из него теперь будут напечатаны в журнале «Юность», а весь роман — в «Знамени».

— Как вы относитесь к делению писателей на русских и русскоязычных?

— Приведу только один пример. Было время, когда некоторые израильские писатели обвиняли меня в антисемитизме за то, что я отказывался называть их литературу, написанную по-русски, русскоязычной. Они говорили: Максимов человек с имперским мышлением, пытается присвоить чужое. Мы только пишем по-русски, потому что выросли в России, в атмосфере этого языка, но к русской литературе отношения не имеем. А теперь, видите, времена изменились, и термин «русскоязычный» обернулся совсем другой стороной. Я-то и тогда, и сейчас против него. Русская литература — от Кантемира до Мандельштама — интернациональна. Кстати, в Израиле в тех кругах, которые меня обвиняли, сейчас стало модным называться русскими писателями. И они охотно посещают Советский Союз и выступают здесь.

— Раз уж зашла об этом речь, как вы относитесь к самому феномену израильской литературы на русском языке?

— Во-первых, большинство из них — мои авторы. И несмотря на споры, мы с ними не расходимся. Я просто не признаю за ними права на некую особость. Хотя притязания эти скорее всего идут от неких комплексов. Людям не хочется в своей стране ощущать себя эмигрантами.

— Кого из них вы цените наиболее высоко?

— Феликс Кандель, Юрий Милослав-

ский, он и поэт отличный, и прозаик просто европейского уровня. Он, кстати, побывал в Союзе. Не знаю, почему здесь не появляются его вещи. Есть прекрасные поэты: Лия Владимировна, Михаил Генделев.

— Вы считаете их частью русской литературы?

— Да, и нечего отекаться. Нам от них, а им от нас. Следующее поколение, которое родится уже в Израиле, будет и по культуре израильским. Но, согласитесь, человек, уезжающий в 40—50 лет, ну какой он израильский писатель?

— Сильно ли отличается представление о нашей жизни, которое сформировалось у вас в Париже, от того, что увидели своими глазами?

— Нет. Представление оказалось вполне адекватным. Усугубилось мое чувство тревоги. Я увидел, что положение-то еще более опасное, чем кажется со стороны. Слишком много слов и мало дела.

— Нужен ли сегодня «Континент»?

— В прежнем виде, как трибуна политического и общественного противостояния, он исчерпал себя. А как трибуна эстетического противостояния — не исчерпал, и в этом его будущее.

— Приносит ли журнал доход?

— Ни один журнал подобного типа, не только эмигрантский, но и любой зарубежный, не может себя окупить. Предприятие по определению убыточное. На Западе нет культуры толстых литературных журналов. Вообще. Это сугубо наша, российская духовная монополия. В России, где не было политической жизни, ведущий журнал всегда служил в некотором роде «вторым правительством».

— На какие же средства издается «Континент»?

— На пожертвования меценатов. В течение 16 лет нас финансировал Аксель Шпрингер, владелец крупнейшего издательского концерна Западной Германии. К сожалению, недавно человек этот умер, и концерт прервал с нами отношения. Помог нам Фонд Демократии, который действует под покровительством конгресса и сената США и финансирует во всем мире акции по демократизации. Журналы, профсоюзные движения и все-все. Это инициатива президента Рейгана. Нам выделили небольшую сумму. И еще нас поддержал один частный американский фонд. Таким образом на полтора года, то есть на шесть номеров вперед, мы обеспечены. А тем временем идут поиски денег.

— Не может так случиться, что «Континент» окажется без средств?

— Вполне может. Вы еще не прониклись этой психологией, хотя и переходите к свободному рынку. Рынок действует жестко. Каждый день идет борьба за существование.

— Говорят, кто платит, заказывает музыку. Довелось ли вам испытать это на себе?

— Мне, к счастью, нет. Но в общем это обычное правило в западной печати. Моего друга, выдающегося французского философа и публициста, уволил хозяин, известный миллиардер Голдмит, только за то, что последнему не понравилась обложка журнала. И все.

— Кому принадлежит «Континент»?

— Мне. Это моя собственность, хотя и не обеспеченная моими финансами. Поэтому, если у меня не будет финансирования, я его закрою.

— Опубликуете ли вы о своем мнении, с которым не согласны?

— Всегда. У меня для всех мнений журнал открыт. Единственный критерий — литературное качество. Если материал меня не устраивает идейно или даже эстетически иногда, я его

прокомментирую. Такое право я за собой оставляю. Например, я напечатал Синявского, хотя не был с ним согласен, и сказал свое мнение в комментарии. Перелистайте мой журнал и вы увидите, что я часто так делаю.

— Насколько реален проект расширения «Континента» в СССР?

— Вполне реален. Я увожу в Париж официальное предложение издательства «Столица» — тираж 100 тысяч на первых порах.

Но дело не так просто. Пока что значительная часть моей редколлегии — не по численности, а по весу литературному — против этого проекта. Считают: время еще не пришло. Надо убедиться, что перемены подлинны и власти не скрывают никаких лукавых замыслов. Попытаюсь их переубедить.

— Сколько у вас постоянных работников в редакции?

— Я, Наталья Горбаневская и моя жена.

— Кто входит в ваш дружеский круг?

— Имена моих друзей вы найдете на обороте обложки журнала. Бродский, Аксенов, Неизвестный, Коржавин, Буковский, Гинзбург, Эжен Ионеско, Милован Джилас. Из тех, кто не входит в редколлегию, — художники: Михаил Шемякин, он, кстати, пожертвовал деньги на последний номер, Борис Заборов, Олег Целков, Оскар и Александр Рабины. Мои друзья Галина Вишневская и Мстислав Ростропович, он крестный отец моей младшей дочери. Из первой эмиграции — Зинаида Шаховская. До самой смерти моим другом была Александра Львовна Толстая.

— Георгий Владимов?

— Да, он очень мне духовно близкий человек, несмотря на всякие недоразумения.

— Солженицын?

— Вначале у нас были очень теплые отношения. Сейчас, а бы сказал, лояльный нейтралитет. Мне чужды эгоцентричные люди. Хотя я и преклоняюсь перед ним как перед писателем и человеком.

— Вы чувствуете себя здесь чужим?

— Чужим я себя чувствую везде. Такое свойство психики. Тем не менее на Западе я живу как политический беженец, поскольку не считаю себя вправе, получив паспорт какой-либо страны, взять на себя тем самым гражданские обязательства перед ней. Парадокс состоит в том, что я никогда не ощущал себя в полной мере за границей. Живу я там в атмосфере российской и своей Родины, считая только Россию. Впрочем, я не понимаю здесь многих вещей. Например, новый демократический Моссвет пять дней не может утвердить регламент, когда город в таком разоре. Или в газете читаю про то, что в Прибалтике собираются обсуждать: не открыть ли официальный бордель. И меня охватывает недоумение. Ведь это СПИД какой-то! Только не телесный, а социальный. Потеря обществом иммунитета.

— Оттого и литература такая, что жить не хочется? Или литература сейчас и не может быть иной?

— Мы живем в эпоху декаданса, разумеется. Это, к сожалению, ведущий мотив культуры. И он действует на душу разрушительно. Но я все-таки постоянно повторяю: если литература отнимет у человека последнюю надежду, это начало конца. Посмотрите, как трагично писал Достоевский. Но ведь он оставал надежду. Он говорит: ты жалок, подл, ничтожен, но ты можешь. А теперь у меня такое ощущение, что хотят раздавить человека всей негативной информацией. И вы ждете от такого человека работы? Он не будет работать! Кто же будет шевелиться, если жизнь бессмысленна, господа?

— На что же нам надеяться?

— На то, что бог не оставит Россию.

Беседу вел

Анатолий Кудрявцев.